

Глава XIV

ВОЕННЫЙ ОТВЕТ ВОЗГЛАВЛЯЕМОЙ США КОАЛИЦИИ НА ТЕРАКТЫ 11 СЕНТЯБРЯ

Карл Келеманс

1. ИЗЛОЖЕНИЕ СИТУАЦИИ

7 октября 2001 г. Президент США Джордж Буш в обращении к нации объявил, что США вместе со своим «верным другом» Великобританией начали воздушные удары против лагерей для подготовки террористов Аль-Каиды и военных объектов режима «Талибан» в Афганистане.

Этот военный ответ начался почти через месяц после террористических нападений на американскую территорию.

Утром 11 сентября четыре коммерческих воздушных лайнера на своем пути с восточного побережья США (два самолета вылетели из Бостона, один из Вашингтона и один из Ньюарка) в Лос-Анджелес и Сан-Франциско были захвачены на ранней стадии полета. После того как налетчики взяли управление самолетами в свои руки (возможно, убив пилотов ножами, в том числе для резки картона), они изменили первоначальный курс полета. Два самолета из Бостона повернули на юг к Нью-Йорку, где пилоты-захватчики умышленно направили их на башни-близнецы Центра международной торговли. Самолет, вылетевший из вашингтонского аэропорта им. Даллеса, повернул обратно на Вашингтон, где врезался в западное крыло Пентагона. Четвертый самолет, стартовавший тем утром из Ньюарка, также развернулся в противоположную сторону. Вероятно, он должен был обрушиться на другой символ американской мощи — Белый дом, но так и не долетел туда¹. Он разбился в Шэнксвилле (штат Пенсильвания), скорее всего, после того как некоторые пассажиры сумели взять верх над угонщиками. Последствия были трагичны. Все пассажиры этих четырех самолетов вместе с угонщиками погибли в авиакатастрофах. Башни-близнецы обрушились вскоре после того, как они

---

¹ *Croft J.* Terrorists May Have Planned Double Hit in Washington // *Aviation Week And Space Technology*. 17 September 2001. P. 44—48.

были поражены, погребя под собой не только несколько тысяч человек, оказавшихся в зданиях, но также пожарных и полицейских, прибывших для спасения людей. В Пентагоне погибли несколько сот человек.

Хотя США уже переживали террористические нападения на своей территории (например, в Центре международной торговли в Нью-Йорке в феврале 1993 г. и в Оклахома-сити в апреле 1995 г.), события 11 сентября были беспрецедентны в истории Америки. Без всякого предупреждения и всего за несколько часов США были поражены в самом сердце своей экономической и военной мощи. Очевидно, нападения были очень хорошо спланированы. Информация разведки скоро привела к Аль-Каиде — исламской террористической сети, связанной с Осамой Бен Ладеном. Этот саудовский миллионер не был фигурой, не известной американским следственным органам. Он играл важную роль в поддержанных американцами усилиях помочь афганцам в их борьбе против Советов в 1980-х гг. Его хорошему отношению к США пришел конец, когда оказалось, что США поддержали афганского лидера Мохаммеда Наджибуллу, который рассматривался Бен Ладеном как русский ставленник¹. Ненависть Бен Ладена к США и их союзникам еще более усилилась в период войны в Персидском заливе (1991), во время которой американские войска были размещены в Саудовской Аравии — родине таких святых мест ислама, как Мекка и Медина. Бен Ладен подозревался в участии в ряде предыдущих террористических нападений на американские объекты за границей. Это были, например, одновременные нападения на американские посольства в Кении и Танзании (август 1998 г.)², и нападение на корабль ВМС США «Коул» в Йемене (октябрь 2000 г.). Вообще предполагалось, что Бен Ладен скрывался в Афганистане, где Аль-Каида при поддержке режима талибов организовала ряд тренировочных лагерей для исламских боевиков.

После первоначального шока и неверия Правительство США подготовилось к долгой и трудной борьбе против тех, кто несет

¹ The Economist. 2001. 22 Sept. P. 20.

² 18 сентября 2001 г. четырем лицам был вынесен приговор за устройство взрывов в посольствах. Все четверо были последователями Осамы Бен Ладена. Так, Мохаммед Саддик Оде был принявшим присягу членом Аль-Каиды, а Вахид эль-Хадж был близким помощником и бывшим личным секретарем Бен Ладена. См.: The New York Times. 2001. 19 Oct.

ответственность за теракты в частности и против терроризма вообще. В своем выступлении 20 сентября перед объединенной сессией Конгресса и американским народом Джордж Буш поклялся мобилизовать все имеющиеся у правительства ресурсы, чтобы обезвредить и уничтожить глобальную сеть террора. Ввиду глобального характера террористической угрозы первым и, возможно, наиболее важным шагом в этой борьбе являлось формирование международной коалиции. Сразу после событий 11 сентября американские официальные лица начали контактировать не только со своими традиционными союзниками, например Великобританией, но и со странами мусульманского мира. Стремясь привлечь мусульманские страны к своему делу, США всячески старались подчеркнуть, что предстоящая борьба будет направлена против терроризма, а не против ислама. Важнейшую роль в процессе создания коалиции играли также региональные державы — Россия и Китай и соседние с Афганистаном страны: Пакистан, Узбекистан, Туркмения и Таджикистан. Их поддержка была необходима не только для усиления изоляции сети Бен Ладена и талибского режима, но и для наращивания военного потенциала в регионе.

Усилия США по созданию коалиции оказались весьма успешными. Международное сообщество немедленно и единодушно осудило теракты и различными способами и в различной степени обещало США поддержку. 12 сентября Совет Безопасности ООН не только осудил теракты, но и расценил такие действия как угрозу миру и безопасности во всем мире. Кроме того, НАТО обратилась к ст. 5 Вашингтонского договора, которая предусматривает, что нападение на одного члена НАТО есть нападение на всех. Хотя никакого немедленного военного планирования не было предпринято, все натовские союзники были готовы обеспечить некоторую помощь¹. И Россия, и Китай — страны, традиционно очень скептически настроенные относительно американских военных инициатив за границей, — выразили готовность сотрудничать с США. Напротив, такие умеренные арабские страны, как Египет, Иордания и Саудовская Аравия, с неохотой присоединялись к антитеррористическому альянсу из опасения спровоцировать вос-

¹ Hill L. NATO Rallies Behind USA, But Denies Planning Military Action // Jane's Defence Weekly. 2001, 19 Sept. P. 5.

стания своих собственных исламских радикалов¹. Ключевой игрок — Пакистан — отвечал по-другому. Будучи поначалу главным сторонником режима талибов, Пакистан решительно встал на сторону коалиции во главе с США. В обмен на его поддержку были сняты санкции, введенные США против Пакистана после проведения им испытаний ядерного оружия в 1998 г. В рамках создаваемой коалиции США активизировали сбор разведанных обо всей организационной и финансовой структуре Аль-Каиды. На базе этой информации США вместе со своими союзниками предприняли шаги по ослаблению данной структуры, замораживанию и секвестру ее финансовых ресурсов и аресту лиц, подозреваемых в причастности к терроризму.

То, что военные действия должны были стать частью комплексного плана борьбы с терроризмом, разъяснил Президент Буш в своем послании Конгрессу 20 сентября, когда он призвал военных быть готовыми к бою. Президент подчеркивал, что нельзя ожидать единственного сражения. Некоторые аспекты военных действий можно будет увидеть по телевидению, другие будут тайными, секретными даже в случае успеха. По мере того как планирование и подготовка продвигались вперед, прояснились общие контуры военной стратегии. Военные действия прежде всего должны были сфокусироваться на Афганистане, хотя не исключалась возможность того, что в долгосрочной перспективе рамки операций могли быть расширены. Операция в Афганистане должна была развертываться в три этапа. Вначале планировалось провести воздушную кампанию с целью достижения превосходства в воздухе. Далее силы спецназа должны были выступить против тренировочных лагерей террористов. И, наконец, в случае необходимости, в бой были бы введены сухопутные силы, чтобы склонить чашу весов на сторону Северного альянса — антиталибской коалиции, действовавшей на севере Афганистана и состоявшей главным образом из узбеков и таджиков.

В то же время и в ожидании неизбежных военных действий Джордж Буш предъявил режиму «Талибан» ультиматум. Талибы должны выдать всех главарей Аль-Каиды американским властям, а также немедленно и навсегда закрыть все тренировочные лагеря террористов в Афганистане. Было также заявлено, что, если эти

¹ *Ratnesar R.* All For One For Now // *Time*. 2001. 1 Oct. P. 42.

безоговорочные требования не будут выполнены, режим «Талибан» разделит судьбу террористов. Мулла Омар, глава талибов, отклонил этот ультиматум. Ранее совет мусульманских улемов, которому также был предъявлен аналогичный американский ультиматум, отверг его, заявив, что ему нужны доказательства причастности Бен Ладена к терактам. Позднее совет предложил своего рода компромисс, попросив Бен Ладена добровольно покинуть Афганистан. Для США этот компромисс был недостаточен.

Военная часть комплекса ответных мер была введена в действие 7 октября. Как и планировалось, операция «Несокрушимая свобода» началась с воздушных ударов по террористическим лагерям Аль-Каиды и военным объектам талибов. В этих первоначальных военных действиях использовались бомбардировщики наземного базирования (B-52 и B-1, выполнявшие полеты с острова Диэго Гарсия, и B-2, выполнявшие полеты из штата Миссури), штурмовые самолеты, взлетающие с авианосцев (F-14 и F-18 с кораблей ВМС США «Карл Винсон» и «Энтерпрайз») и крылатые ракеты, выпускаемые с американских и британских подводных лодок, а также американские самолеты и надводные корабли. В то же время США сбросили в северо-восточном Афганистане тысячи наборов продуктов. После трех дней авиаударов по военным объектам талибов министр обороны США Дональд Рамсфельд объявил, что было достигнуто превосходство в воздухе¹. Когда воздушная кампания перешла в следующую фазу, появилось сообщение о первых жертвах среди гражданского населения, и новые колонны афганских беженцев хлынули в Пакистан. Внутри самих США глубоко укоренился страх перед атаками с применением биотеррора, в связи с тем что зараженная сибирской язвой почта была доставлена в газеты, на радио и телевидение, в Сенат США и в корпорацию «Майкрософт». Стояла ли сеть Аль-Каиды за этой формой биотеррора, было неясно. 19 октября Пентагон подтвердил, что американский спецназ начал операции на юге Афганистана. Кампания потерпела серьезную неудачу, когда 26 октября талибы захватили и казнили Абдул Хака, ведущего деятеля оппозиции, принадлежавшего той же этнической группе, что и талибы (он был пуштуном) и пытавшегося создать южный альянс против талибов. К концу октября возглавляемая США коалиция усилила бомбардировку фронтовых позиций талибов,

¹ The Economist. 2001. 13 Oct. P. 23.

прокладывая тем самым путь для наступления Северного альянса. 9 ноября Северным альянсом был взят стратегически важный город Мазари-Шериф. За этим первым успехом быстро последовало падение афганской столицы Кабула. Бойцы талибов и Аль-Каиды были вынуждены отступить к своей цитадели на юге — Кандагару. В то же время ООН прилагала усилия, чтобы заложить основы для нового правительства Афганистана на широкой основе, в котором были бы представлены все этнические группы. К началу декабря пал Кандагар, и было сформировано временное правительство, пришедшее на смену талибам.

2. ПРАВОВОЕ ДЕЛО

Когда 7 октября началась операция «Несокрушимая свобода», Джордж Буш заверил вооруженные силы США, что их цели не просто четко определены, но *правые*. Но так ли было на самом деле? Каковы были в точности их цели и что можно сказать относительно характера их правового дела? И в обращении Джорджа Буша, и на брифинге министра обороны Рамсфелда 7 октября цели операции «Несокрушимая свобода» были заявлены весьма недвусмысленно: прекратить использование Афганистана как базы для террористических операций и нанести удар по военным объектам режима «Талибан». Также неоднократно подчеркивалось, что эти конкретные цели следует понимать как часть более широкой задачи — нанести поражение тем, кто применяет терроризм, и тем, кто укрывает террористов или оказывает им поддержку.

Само собой разумеется, что борьба против мирового терроризма внутри страны и в глобальном масштабе представляет собой правовое дело. Преднамеренное убийство невинных людей по любой причине (политической или религиозной) не может рассматриваться иначе, как серьезная несправедливость не только по отношению к тем, кого это непосредственно касается (жертвы, их родственники и друзья), но и по отношению к организованному обществу в целом. Страх перед случайностью и непредсказуемостью будущих терактов накладывает тяжелое бремя на бесперебойную работу общественных механизмов (в экономическом, политическом и социальном аспектах). На международном уровне следует учитывать возможность того, что терроризм и государственная поддержка терроризма могут вызвать политическую дестабилизацию ряда государств. В этом отношении вполне понятно, что Совет

Безопасности именуется акты, подобные совершенным 11 сентября, как угрозу миру и безопасности во всем мире (Резолюция 1368 от 12 сентября).

Искупить несправедливость, которая связана с человеческими жертвами, конечно, невозможно. Ничто не может восстановить жизнь людей, погибших от таких терактов. Однако в контексте борьбы с терроризмом дело может разумно и реалистически квалифицироваться как правое, если речь идет о наказании за прошлые несправедливости и/или о предотвращении подобных несправедливостей в будущем. Хотя данный аргумент в пользу правого дела может показаться очень прямолинейным, это не совсем так.

Для наказания за несправедливость нужно знать, кто несет за нее ответственность. Это требование кажется достаточно легко удовлетворимым при рассмотрении обычных межгосударственных войн. Когда Ирак, например, решил напасть на Кувейт в 1990 г., любой мог легко увидеть, кто совершил несправедливость. Вопрос об идентификации совершенной несправедливости не столь ясен в случае терактов вроде тех, что имели место 11 сентября. Здесь мы имеем дело с безликим врагом, который не берет на себя ответственность за свои действия. Логический вывод из этой конкретной проблемы для аргументации в пользу правого дела очевиден. Хотя характер правого дела — борьбы с терроризмом — как таковой не вызывает споров, он может потерять очевидность, когда начнутся нападения на людей, организации или страны, которые могут подозреваться в причастности к терроризму, убедительных доказательств которой (еще) нет.

В каком же состоянии находился вопрос об ответственности в то время, когда возглавляемая США коалиция начала военные действия против террористических лагерей Аль-Каиды и военных объектов движения «Талибан»? С самого начала следственные органы в США и за рубежом сосредоточили внимание на Осаме Бен Ладене, который лично отрицал любую причастность к терактам. Характер терактов 11 сентября походил на предыдущие покушения, в которых Бен Ладен был главным подозреваемым. Далее, было известно, что Бен Ладен обладал организацией и ресурсами для выполнения подобной операции¹. Однако эти и

¹ The Economist. 2001. 15 Sept. P. 15.

другие указания в лучшем случае представляли собой косвенные улики. Из-за смутного и неуловимого характера Аль-Каиды скоро стало ясно, что будет очень трудно собрать доказательную базу против Бен Ладена и его организации, которая могла бы иметь судебную перспективу. И все же ввиду тяжести преступления и сохраняющейся угрозы дальнейших терактов было решено начать параллельно с судебным расследованием «по всей форме» (которое могло продлиться годы) ускоренное расследование, цель которого состояла в том, чтобы представить миру убедительные данные о причастности Бен Ладена к терактам¹.

В рамках этих усилий и перед самым началом военной кампании ряду ключевых игроков в антитеррористической коалиции были представлены доказательства, которые оказались достаточно убедительными. Для всех 19 послов стран НАТО объем доказательств был достаточным, чтобы у них не оставалось никаких сомнений². Пакистанское правительство также нашло «достаточными основания для обвинительного акта». Хотя большая часть собранной информации была скрыта от публики, та информация, которая была обнародована (например, в британской «Белой книге», представленной премьер-министром Т. Блэром), ясно показала, что Аль-Каида действительно была причастна к событиям 11 сентября³. Например, имелись данные, что один из ближайших сторонников Бен Ладена помогал спланировать теракты. Кроме того, было установлено, что в недели, предшествовавшие терактам, близких соратников Бен Ладена предупредили о необходимости возвращения в Афганистан к 10 сентября. Незадолго до терактов 11 сентября последователи Бен Ладена говорили о планировании «очень больших нападений» на Америку⁴.

Могут ли эти данные, полученные путем ускоренного расследования, считаться достаточными для установления того, что дело правое? Имеются серьезные основания полагать, что могут.казалось, имелись вполне достаточные указания на то, что личности, связанные с бенладеновской сетью Аль-Каиды, участвовали в планировании и осуществлении терактов. Кроме того, не следует забывать, что террористическая организация Аль-Каида объявила

¹ *Cloud J.* The Manhunt Goes Global // *Time*. 2001. 15 Oct. P. 50.

² *Cloud J.* Op. cit. P. 52.

³ *Ibid.* P. 51.

⁴ *The Economist*. 2001. 15 Sept. P. 15.

в 1998 г., что убивать американских граждан и их союзников повсюду — долг всех мусульман¹. Как показали предшествующие атаки на американские объекты, это не были пустые угрозы. Исходя из этого, можно было бы обоснованно оправдать использование военной силы в борьбе с террористической организацией типа Аль-Каиды не только с точки зрения наказания или возмездия, но и с точки зрения защиты от ясных и реально существующих угроз.

Что можно сказать относительно ударов по военным объектам «Талибана»? Существует ли достаточно доказательств, чтобы связать режим талибов с сетью Аль-Каиды? Вроде бы существует. После того как Бен Ладен был выслан из Судана в 1996 г., он нашел убежище в Афганистане в то время, когда движение «Талибан» устанавливало контроль над страной. По-видимому, Бен Ладен также материально поддерживал талибов для того, чтобы они в сентябре 1996 г. могли захватить Кабул². В последующие годы Бен Ладен расширил свое влияние на талибов и получил разрешение на постройку многочисленных лагерей по подготовке воинов ислама. Когда к талибскому режиму обратились с просьбой выдать Бен Ладена правосудию, министр иностранных дел Муттавакиль сказал, что Бен Ладен «был другом в нужде и было бы очень трусливо бросить его на этом этапе его жизни»³. Ясно, что талибы были не только очень хорошо осведомлены о деятельности Аль-Каиды, но и поддерживали и защищали эту организацию. Поэтому удары по режиму «Талибан» являются законной частью военных усилий в борьбе против терроризма.

3. ДОБРЫЕ НАМЕРЕНИЯ

По сравнению с интервенцией НАТО в Косово (1999) намерения, связанные с военными планами возглавляемой США коалиции в Афганистане, подвергались сомнению гораздо реже. Такие страны, как Россия и Китай, которые обычно критически настроены к применению силы Западом, были теперь благосклонны или по крайней мере уступчивы по отношению к военным действиям в

¹ *Beyer L.* Roots of Rage // *Time*. 2001. 1 Oct. P. 52—54.

² *Mcgeary J.* The Taliban Troubles // *Time*. 2001. 1 Oct. P. 50.

³ *Bloch H.* A Land of Endless Tears // *Time*. 2001. 24 Sept. P. 61.

Афганистане. Например, Россия предложила США воспользоваться ее разведанными, а также использовать ее воздушное пространство¹. Она поддержала просьбу США к Узбекистану и Таджикистану об использовании их аэродромов. Конечно, это не доказывает, что намерения США и других заинтересованных стран были добрыми или хорошими. Это просто указывает на то, что в данном конкретном случае Россия и Китай имели свои причины не выступать против военных действий. Для российского Президента Владимира Путина это был прекрасный повод настаивать на том, что Запад должен рассматривать чеченских сепаратистов как часть международного террористического заговора². Подозрительно относясь к сепаратистскому движению в Синцзяне, Китай, со своей стороны, также примирился с американской военной кампанией.

Но что можно сказать непосредственно о намерениях возглавляемой США коалиции? В официальных декларациях США и их союзников, а также в средствах массовой информации было выдвинуто несколько намерений:

1. Законная защита от терроризма, наказание виновных и предметный урок для других государств, которые поддерживают терроризм.

2. Гуманитарная цель — окончание гражданской войны в Афганистане, что позволило бы возвратиться беженцам, стабилизировать правление и экономическое развитие (в пропагандистской войне против талибов важнейшее место занимало притеснение женщин).

3. Уничтожение плантаций наркотиков в Афганистане.

4. Обеспечение американского доминирования во всемирном масштабе благодаря ведущей роли США в антитеррористическом альянсе.

5. Геополитическая цель обеспечения большего американского присутствия в регионе, особенно в плане соперничества с региональными державами — Китаем и Россией, и в плане нефтяной и газовой политики.

6. Военная цель — испытание новых методов ведения боевых действий и видов вооружения.

¹ The Economist. 2001. 27 Oct. P. 24.

² Golts A., Novichkov N. Putin Outlines Co-operation // Jane's Defence Weekly. 2001. 10 Oct. P. 3.

Официальные лица США и их союзников заявили, что их намерения состояли в достижении первых трех целей. Однако наблюдатели утверждали, что другие намерения были также налицо. Действительно, имеются серьезные основания полагать, что все эти намерения играли определенную роль в стратегии США в борьбе против терроризма. Но признания существования таких целей недостаточно для того, чтобы оценить, в какой степени соблюдался принцип добрых намерений. Для проверки этого принципа следует оценить моральную ценность различных намерений, перечисленных выше, и проанализировать, в какой мере они могут рассматриваться как решающие для начала военных действий.

Среди намерений, перечисленных выше, только первое может рассматриваться как обоснованная причина для начала войны. Попытка защитить своих граждан от прямых и убийственных атак, предприняв все необходимые меры (включая военную силу), — дело естественное. Ни гуманитарная ситуация в Афганистане (намерение 2), ни наличие плантаций наркотиков (намерение 3) не оправдывали бы применения силы. И все-таки можно считать, что реализация этих целей повышает общую моральную легитимность военной операции. Гуманитарные цели войны включали, среди прочего, возможность возвращения в свои дома миллионов беженцев: это рассматривалось, например, иранским правительством как достаточная причина для того, чтобы не выступать против войны. Намерение США повысить свою роль гегемона во всемирном (намерение 4) и региональном (намерение 5) масштабе не может, однако, рассматриваться как морально правильное. Но даже предполагая, что военные США имели такие цели, российское и китайское правительства не считали их достаточно важными, чтобы выступить против военной политики США. Можно также сказать, что испытание новых форм боевых методов и систем оружия в регионе вряд ли были основными мотивами военного ответа на события 11 сентября.

Таким образом, представляется, что есть серьезные основания полагать, что намерения тех, кто использовал силу против Афганистана, находились в соответствии с официально объявленными целями. Однако иметь, по крайней мере частично, хорошие намерения было, вероятно, необходимо. С самого начала военных действий коалиции стало ясно, что недостаточно *иметь* добрые намерения — необходимо, чтобы другие *видели*, что у вас добрые

намерения. Для того чтобы удержать антитеррористическую коалицию от распада, США не должны были допустить, чтобы их подозревали в том, что они действуют в соответствии с какими-то скрытыми намерениями.

Гуманитарные цели, описанные выше, однако, не лишены проблем. Как в обращении 20 сентября, так и 7 октября Джордж Буш подчеркивал, что борьба велась против Аль-Каиды и режима талибов, а не против ислама или афганского народа. Напротив, афганский народ, сказал Буш, сам был жертвой репрессивного режима. Чтобы принимали всерьез их обязательство бороться с терроризмом, а не с афганским народом, США начали гуманитарную кампанию, сбрасывая с воздуха тысячи наборов готовых к употреблению продуктов, чтобы помочь прокормить голодающее афганское население¹. Эту политику сурово критиковали гуманитарные организации. Они заявляли, что было неправильно смешивать военные операции с гуманитарной помощью. На их взгляд, гуманитарную помощь должны оказывать организации, которые воспринимались как нейтральные всеми сторонами. Кроме того, такие операции имели главным образом пропагандистскую цель и, как считают, были в значительной степени неэффективными в деле помощи гражданскому населению.

Убеждая исламский мир в искренности своих намерений, США стояли перед трудной проблемой, связанной с их позицией по отношению к политическому будущему Афганистана. Хотя цели операции «Несокрушимая свобода», как подчеркивалось в послании Буша 7 октября, ограничивались атаками на военные объекты талибов, вскоре выяснилось, что намерения США были шире. Для того чтобы создать условия, необходимые для антитеррористических операций и для поставки гуманитарной помощи, было признано необходимым заменить талибский режим правительством, имеющем широкую основу². Было ясно, что Бен Ладен связал судьбу своих боевиков (и свою судьбу) с талибским режимом теснее, чем когда-либо³. Министерство обороны США было убеждено, что «один не мог бы выжить без другого». И все же министр обороны Рамсфельд напомнил всем о добрых намерениях Америки, сказав, что США «не имеют стремлений

¹ The Economist. 2001. 20 Oct. P. 18.

² Ibid. P. 17.

³ The Economist. 2001. 27 Oct. P. 17.

оккупировать или сохранять за собой какую-либо территорию в этом регионе — мы просто пытаемся искоренить терроризм»¹. И как часть процесса выкорчевывания террористов в Афганистане должны были произойти политические перемены. Иначе Аль-Каида или другие группы террористов со временем возвратились бы в эту страну.

4. КРАЙНЕЕ СРЕДСТВО

7 октября, почти через месяц после событий 11 сентября, возглавляемая США коалиция начала военную кампанию против организации Аль-Каида и режима талибов. Несмотря на то что общественное мнение оказывало сильное давление с тем, чтобы нанести ответные удары без всякой задержки, администрация Буша вместе со своими ближайшими союзниками проявили удивительную сдержанность. В эти первые дни США дали противнику возможность избежать военного ответа, направив ультиматум талибскому режиму (но не бенладеновской организации Аль-Каида). Джордж Буш 20 сентября потребовал от талибов: 1) выдать властям США всех лидеров Аль-Каиды; 2) отпустить всех иностранных подданных, несправедливо заключенных в тюрьмы; 3) защитить иностранных журналистов, дипломатов и сотрудников гуманитарных организаций в Афганистане; 4) немедленно и навсегда закрыть все тренировочные лагеря террористов в Афганистане; 5) выдать всех террористов и лиц, оказывающих им поддержку; 6) предоставить США беспрепятственный доступ к тренировочным лагерям террористов. Эти требования не подлежали обсуждению. Далее указывалось, что режим талибов должен действовать немедленно или он разделит судьбу террористов. Хотя сначала совет мусульманских улемов был уклончив в своем ответе (настаивая на дополнительных доказательствах причастности Бен Ладена, а позднее предлагая компромисс, попросив Бен Ладена покинуть страну), в конце концов мулла Омар, глава талибов, отклонил ультиматум. 7 октября с началом военной кампании Джордж Буш прямо сослался на тот факт, что ни одно из требований, предъявленных талибам, не было принято, вследствие этого «талибы заплатят высокую цену».

¹ The Economist. 2001. 13 Oct. P. 24.

Как все это оценить с точки зрения крайнего средства? Можно констатировать, что сдержанность, проявленная в первые дни, не была мотивирована преимущественно стремлением отложить военные операции до тех пор, пока не будут испробованы различные невоенные меры. Скорее сдержанность объясняется тем, что для успешного реагирования на теракты необходимо было какое-то время на военную и дипломатическую подготовку. В самом деле, строгие, безоговорочные требования, предъявленные талибам, с одной стороны, и тесные связи режима талибов с сетью Аль-Каиды — с другой, говорили о том, что шансы на выполнение ультиматума были незначительны. Самое большее, что можно сказать с точки зрения крайнего средства: такой способ действия выглядел не очень многообещающим. Складывается впечатление, что вследствие невозможности немедленно дать успешный военный ответ США формально предъявили невыполнимый ультиматум. Следующий вопрос, конечно, состоит в том, должны ли были США отнестись к принципу крайнего средства более серьезно? Например, должны ли были они предоставить талибам больше простора для маневра, чтобы те могли предложить приемлемый компромисс (подобный тому, который они предложили)? Далее мы убедимся, что такой вариант не столь разумен, как кажется.

Не следует забывать, что требование соблюдения принципа крайнего средства имеет определенное значение в тех ситуациях, когда нация противостоит *совершающемуся* нападению. Здесь первым и последним возможным ответом является ответ военный. Положение несколько меняется в том случае, когда, как и произошло с военными действиями возглавляемой США коалиции, немедленный ответ на теракты невозможен, но будет дан через некоторое время. В такой ситуации уже нет необходимости в немедленном военном сопротивлении *совершающейся* агрессии и вследствие этого причина для неиспользования ряда невоенных средств отпадает или по крайней мере *кажется*, что отпадает.

Но были ли в самом деле другие варианты, которые стоило рассматривать в данных обстоятельствах? Есть серьезные основания полагать, что их не было. Помимо того, что США находились в состоянии самообороны, не следует забывать, что возглавляемая США коалиция имела (и имеет) дело с непонятной и неуловимой организацией, которая стремится к достижению своих антизападных целей любой ценой. При таком сценарии обычные невоенные меры — экономические санкции или политическое давление —

вряд ли окажут действие. Организация типа Аль-Каиды не имеет экономики, которой можно повредить или которую можно изолировать. Хотя такая организация может иметь политические цели, маловероятно, что ее можно убедить прекратить преследовать эти цели путем насилия, если, конечно, не капитулировать перед ней и не дать ей то, что она хочет. Попытка отключения и замораживания финансовых ресурсов такой организации, как это сделала антитеррористическая коалиция, не может рассматриваться как альтернатива военным действиям. Эти попытки были просто малой частью общей стратегии борьбы с терроризмом.

А как следовало поступать с режимом талибов? Разумно ли здесь было рассматривать другие меры, кроме ультиматума? Хотя такие альтернативные варианты, как экономические санкции, имеют больше смысла, когда они применяются против государства (Афганистан в отличие от организации Аль-Каиды имеет экономику, какой бы она ни была бедной), они не очень практичны в определенных обстоятельствах борьбы с терроризмом. Из-за множества взаимосвязей «Талибана» и Аль-Каиды маловероятно, что талибы могли уступить давлению, скажем, экономических санкций. И даже если бы был шанс, что такая альтернатива могла сработать, это в лучшем случае произошло бы в отдаленной перспективе.

Независимо от конечного результата почти наверняка это случилось бы слишком не сразу, а то и слишком поздно. К тому времени, когда талибы начали бы идти на уступки под давлением альтернативных санкций, Аль-Каида могла бы уже перебазироваться и укрыться в другие убежища. Последствия экономических санкций для гражданского населения могли быть не менее разрушительными, чем открытая война. Что касается строгого, безоговорочного характера ультиматума, то ясно, что требования, предъявленные в ультиматуме, означают ни больше, ни меньше чем абсолютное сотрудничество талибов в борьбе с Аль-Каидой. Выполнение таких требований не представляло бы проблемы, если режим талибов честно вознамерился помочь уничтожить Аль-Каиду. Исходя из ответов руководства «Талибан» на ультиматум США, такие честные намерения у него явно отсутствовали.

5. ВЕРОЯТНОСТЬ УСПЕХА

С самого начала США и их союзники ясно дали понять, что военные действия будут важной частью комплекса ответных мер против международного терроризма. Было также четко заявлено, что военный ответ на теракты 11 сентября не будет похож на другие недавние военные операции, такие, как война в Персидском заливе (1991) или конфликт в Косово (1999). Не будет крупномасштабных танковых сражений (подобно войне в Персидском заливе), или «одноколейной» (single-track) стратегии воздушных бомбардировок (как во время Косовской войны). Скорее, будет проводиться разносторонняя кампания с использованием точечного бомбометания и спецназа. То и другое будет поддерживаться значительными усилиями по сбору разведанных¹. Подчеркивалось, что не будет единственного сражения, но будет длительная кампания, успехи в которой будут терпеливо накапливаться. Но насколько реалистично было ожидать этого терпеливого накопления успехов? Или, выражаясь по-другому, какова вероятность того, что возглавляемая США коалиция в конечном счете достигнет двух целей, которые поставил Джордж Буш в начале операции «Несокрушимая свобода»? Можно ли одновременно прекратить использование Афганистана как базы для террористических операций и нанести удар по военным объектам талибского режима?

Явное военное превосходство США и их союзников давало веские основания полагать, что рано или поздно режим талибов будет свергнут и сеть Аль-Каиды будет в значительной степени обезврежена. Но, как и в каждой военной операции, следует соблюдать осторожность. Если Вьетнамская война и советское вторжение в Афганистан чему-либо нас научили, так это тому, что военное превосходство не является гарантией успеха. Хотя военное превосходство внушает как военным, так и политическим лидерам обоснованную уверенность, нужно избегать чрезмерной самонадеянности. Действительно, существует слишком много фак-

---

¹ После событий 11 сентября задавались вопросы о качестве разведывательного потенциала США и, в частности, о так называемой человеческой разведке (HUMINT). Этот вид разведывательной деятельности связан с анализом и распространением необработанного разведывательного материала. Как следствие, комитет Сената США по разведке призвал увеличить инвестиции в области HUMINT. См.: *Beal C., Koch A. Chronic HUMINT Underfunding Blamed For Security Failures // Jane's Defence Weekly. 2001. 19 Sept. P. 4.*

торов неясности, и планирование такой операции — уравнение со многими неизвестными, чтобы ее исход можно было считать решенным делом. Такая операция как «Несокрушимая свобода» — конечно, тоже не исключение из правила.

Первый из усложняющих факторов — характер врага. Бороться с организацией вроде Аль-Каиды — нелегкая задача. Она не является иерархически структурированной наподобие армии, но имеет структуру в виде сети маленьких самостоятельных ячеек, которые работают в международном масштабе¹. Такая децентрализованная сеть может быть необычайно эластична, поскольку изъятие одного узла в структуре, даже важного, например Бен Ладена, не обязательно скажется на ее общей эффективности. Другие узлы в сети просто будут выполнять его задачи². Талибы, хотя и менее неуловимые, чем Аль-Каида, также создают свои проблемы. Члены «Талибана» знают афганский ландшафт (вспомните о множестве пещер с многочисленными входами, которые рассеяны по всему Афганистану), а их опыт в борьбе с Советской Армией в 1970—1980-х гг. делает их противниками, которых не следует недооценивать. Кроме того, они, как кажется, довольно неплохо восполняют отсутствие у них сложного вооружения³, используя в своей тактике увертки и хитрости. Они знают, например, как рассредоточить свои отряды и технику в городских районах и среди гражданского населения⁴. Без сомнения, такого рода асимметричная тактика создает серьезную угрозу для успеха военной операции⁵.

Это подводит нас ко второму фактору. Речь идет о замораживании финансовых активов Аль-Каиды и проведении скоординированного международного расследования относительно

¹ Elliott M. We're At War // Time. 2001. 24 Sept. P. 48.

² Rothstein E. Lacking a Center, Terrorist Networks Are Hard to Find, Let Alone Fight // The New York Times. 2001. 20 Oct.

³ Хотя талибы не шли ни в какое сравнение с возглавляемой США коалицией с технической точки зрения, известно, что в распоряжении талибов имеется ряд запускаемых с плеча ракет «Стингер», которые были поставлены ЦРУ во время войны с Советским Союзом. Эти ракеты представляют большую угрозу вертолетам. По данным исследования, проведенного американской армией в 1989 г., афганцам удалось 340 раз произвести пуски этих ракет, при этом было сбито 269 советских самолетов. Elliott M. Down and Dirty // Time. 2000. 22 Oct. P. 54.

⁴ Burger K. Taliban 'Asymmetric' Tactics Hamper US Strikes // Jane's Defence Weekly. 2001. 31 Oct. P. 3.

⁵ Ratnesar R. Bombs Away // Time. 2001. 12 Nov. P. 25.

структуры и местонахождения Аль-Каиды. Эти усилия столь же важны, как и военная операция. Они ослабляют и изолируют террористов в Афганистане. Но, пожалуй, наиболее существенны дипломатические усилия, которые необходимо приложить параллельно с военными. Создать и сохранить широкую международную коалицию по борьбе с терроризмом нелегко, тем более что наращиваются масштабы операций. Критически важной в этом отношении является поддержка со стороны мусульманских лидеров прифронтовых государств, например Пакистана. Хотя нет необходимости в прямой военной помощи этих стран, они очень важны для военной кампании с точки зрения линий снабжения и локальных баз, с которых может оперировать коалиция во главе с США¹.

Третий усложняющий фактор имеет отношение к роли, которую играет в военных операциях антиталибский Северный альянс. С одной стороны, возглавляемая США коалиция рассчитывала, что этот альянс поможет свергнуть режим талибов. С другой стороны, США и их союзники не хотели, чтобы узбеки и таджики доминировали в Северном альянсе и в случае победы могли взять Афганистан под свой контроль². Этому также сильно противился Пакистан, который испытывает традиционные пропуштунские симпатии (пуштуны — крупнейшая этническая общность, к которой принадлежат талибы). Это означает, что, если США и их союзники хотят достичь стабильности в Афганистане и сохранить Пакистан в антитеррористической коалиции, они должны будут заняться решением чрезвычайно сложной задачи — создания постталибского правительства, представляющего все этнические группы в Афганистане.

Как при этих условиях оценить вероятность успеха? Учитывая военное превосходство и решимость возглавляемой США коалиции, пользующейся огромной общественной поддержкой, можно сделать обоснованное предположение, что существует определенный шанс на успех в деле победы над талибским режимом. В этом отношении весьма показателен опрос населения, проведенный «Нью-Йорк Таймс» и «Си-би-эс ньюс» в начале войны; результаты его показали, что большинство американцев готовы примириться с гибелью нескольких тысяч американских солдат в ходе опе-

¹ The Economist. 2001. 3 Nov. P. 11.

² Gordon M. Alliance of Convenience // The New York Times. 2001. 23 Oct.

рации¹. Кроме того, Афганистан находится практически в полной международной изоляции. Даже Россия и Китай — две страны, которые не стоит подозревать в западных симпатиях, согласились с военными инициативами США, хотя в немалой степени и по причинам собственной выгоды.

Это не значит, однако, что возглавляемая США коалиция может считать международной (и даже внутренней) поддержку в долгосрочной перспективе само собой разумеющейся. Долгосрочные перспективы достижения успеха в антитеррористической борьбе вообще не столь хороши, как возможности успеха военной операции против режима талибов. Во-первых, американская администрация взвешивает дальнейшие шаги, направленные против иракского режима. Эти шаги не получили такой же поддержки среди союзников США, как война в Афганистане. Некоторые страны открыто выступили против военных операций применительно к Ираку. Это особенно касается правительств различных мусульманских стран, где не требуется много усилий, чтобы превратить войну против терроризма в такую, которая считается войной против ислама.

Во-вторых, США и их западные союзники испытывают трудности, пытаясь убедительно объяснить свою политику мусульманскому общественному мнению. На дипломатическом уровне смена курса могла бы означать выдвижение инициатив в израильско-палестинском конфликте, чтобы найти компромиссное решение, приемлемое для арабского мира. Американская дипломатия в регионе в прошлом воспринималась как открыто произраильская. После 11 сентября американская администрация предприняла некоторые шаги по смягчению своей политики относительно целей палестинцев. Джордж Буш впервые заговорил о палестинском государстве, а госсекретарь Колин Пауэл призвал к окончанию израильской оккупации палестинской территории. Строительство там новых еврейских поселений также подверглось осуждению². Но это не было знаком существенной перемены в подходе США к израильско-палестинскому конфликту. Администрация Буша усилила свою позицию в отношении палестинского лидера Ясира Арафата после акций террористов-самоубийц в Иерусалиме

¹ *Apple R.W. Jr.* Afghanistan as Vietnam // The New York Times. 2001. 31 Oct.

² Financial Times. 2001. 5 Dec.

и Хайфе в декабре 2001 г.¹ Множество трудностей в достижении значительного прогресса в израильско-палестинском конфликте не предвещает ничего хорошего для союза против терроризма.

В-третьих, вероятность успеха в деле уничтожения всех террористических организаций типа Аль-Каиды сомнительна. Хотя разумно предположить, что со свержением режима талибов сеть Аль-Каиды будет сильно дезорганизована, эта и другие подобные организации, вероятно, в той или иной форме уцелеют.

6. СОРАЗМЕРНОСТЬ (*AD BELLUM*)

Цели войны не просто должны соответствовать критериям правого дела — они должны быть достаточно существенны, чтобы перевесить потенциальные опасности войны. Так ли это применительно к операции «Несокрушимая свобода»? Действительно ли можно сказать, что блага, которые возглавляемая США коалиция надеялась получить от этих операций, перевесили возможные дурные последствия?

То, что США и их союзники надеялись достичь посредством операции «Несокрушимая свобода», было достаточно ясно. Лишив террористов возможности использовать территорию Афганистана в качестве базы для террористических операций и нанеся удар по военным объектам режима талибов, они хотели способствовать решению общей задачи — наказанию тех, кто несет ответственность за теракты, и, таким образом, предупреждению и предотвращению дальнейших терактов. Если бы только часть этой задачи была реализована, даже тогда число спасенных невинных жизней было бы весьма значительно. Но это еще не все. Если бы можно было доказать, что в результате операции международное сообщество сможет противостоять глобальной угрозе терроризма, это вселило бы в демократические общества новую уверенность, которая позволила бы им действовать вновь в некой новообретенной нормальности.

Было бы, конечно, чрезмерным оптимизмом предполагать, что эту проблему можно решить одной военной силой. Операция «Несокрушимая свобода» была, как мы уже показали, лишь одним из многих компонентов ответных мер против терроризма в

¹ The Economist. 2001. 8 Dec. P. 11.

целом. Но несмотря на то что военным усилиям нельзя всецело приписывать заслугу предупреждения и предотвращения будущих терактов, их вклад следует оценить как весьма существенный. После военной операции против режима, явно связанного с террористической сетью, какой является «Талибан», стало возможно лишить эту сеть поддержки. Однако применение военной силы даже в качестве составной части комплекса ответных мер связано с определенным риском.

Существует риск для тех, кто непосредственно участвует в военных действиях в качестве комбатантов. Учитывая довольно примитивный характер ПВО талибов, можно с достаточным основанием предположить, что боевой риск для пилотов будет, в общем, ограниченным. Это стало еще более очевидным после завершения первой фазы воздушной кампании, во время которой подавлялись средства ПВО. Боевой риск для сухопутных сил (спецназ и др.) следует оценивать как намного более значительный. Поскольку талибы и бойцы Аль-Каиды, вероятно, стали бы избегать открытого боя с технологически превосходящим противником, сухопутные силы возглавляемой США коалиции столкнулись бы с врагом, который прибегнет к партизанской тактике. При таком сценарии число жертв с обеих сторон могло бы значительно возрасти.

Риск для некомбатантов следовало, без сомнения, считать значительным. Мало того, что всегда существовал риск попасть под обстрел на линии огня (т.е. так называемый побочный ущерб), не замедлили сказаться, и это более важно, предсказуемые разрушительные последствия войны для афганского общества. Гуманитарные лишения афганского народа, даже при отсутствии войны, были огромны. По оценкам, до начала войны около 6 млн человек во всем Афганистане зависели от снабжения извне, со стороны агентств по оказанию помощи¹. Когда началась операция «Несокрушимая свобода», гуманитарная ситуация ухудшилась. Талибы приостановили работу агентств гуманитарной помощи, и в результате тысячи беженцев начали двигаться к пакистанской границе. Сбрасываемые авиацией США с воздуха продовольственные наборы, будучи прекрасным жестом, не облегчали гуманитарных лишений населения.

---

¹ The Economist. 2001. 20 Oct. P. 18.

Кроме риска жертв среди военных и гражданского населения существовал ряд стратегических рисков. Было, например, легко представить себе, что прямая военная конфронтация с международной, организованной террористической сетью, подобной Аль-Каиде, спровоцирует дальнейшие теракты. Нельзя было исключать возможность использования в данной связи химического и даже ядерного оружия¹. Еще один риск был связан с произведенным коалицией во главе с США выбором союзника в войне с движением «Талибан». Сделав Северный альянс частью своей стратегии по борьбе с талибами, США и их союзники рисковали вновь погрузить Афганистан в хаос и анархию. Не исключалась возможность, что после победы над режимом талибов Северный альянс просто отвергнет предложение США о создании в Афганистане правительства на широкой основе. Или, что еще хуже, различные группировки внутри Альянса станут враждовать друг с другом — ситуация, напоминающая о распрях, начавшихся после распада Советского Союза в начале 1990-х гг.

Другой тревожной опасностью была возрастающая поддержка исламского фундаментализма в мусульманских государствах. В такой стране, как Пакистан, режим талибов традиционно пользовался большой общественной поддержкой. Опасение, что США и их союзники превратят борьбу против терроризма в войну против ислама, казалось реальным и оправданным. При таком сценарии в духе «столкновения цивилизаций» задача борьбы против Аль-Каиды стала бы даже более сложной, чем раньше. Существовал риск, что вместо изоляции Аль-Каиды операция «Несокрушимая свобода» приведет к укреплению ее мощи, позволив перенести ее в какую-нибудь одну или несколько стран.

Из всего этого можно было сделать вывод, что операция «Несокрушимая свобода» не отвечала принципу соразмерности, поэтому проводить ее не стоило. Данный вывод убедителен. Конечно, если добавить к аргументу о необходимой соразмерности не очень приятную мысль, что фундаменталистскую организацию вроде Аль-Каиды вообще не просто утратить такой военной операцией, как «Несокрушимая свобода», он становится даже еще более убедительным. И все же по ряду причин анализ, проводимый

¹ См. также: *Allison G. Could Worse Be Yet to Come? // The Economist. 2001. 3 Nov. P. 19–21.*

в категориях принципа соразмерности, не обязательно должен давать столь отрицательный результат. Хотя военные операции всегда влекут за собой серьезные риски, в случае операции «Несокрушимая свобода» большинство рисков поддается управлению. Избирательное проведение военных действий возможно и усилия по завоеванию сердец и душ жителей умеренных арабских стран дают возможность значительно уменьшить существующий риск. Кроме того, хотя будущие теракты не могут быть предотвращены военными операциями, было бы оптимистической наивностью предполагать, что будущих терактов можно избежать, *не* проводя военных операций. Напротив, отсутствие военного ответа, весьма вероятно, было бы истолковано как признак слабости. Это даже подтолкнуло бы других к подражанию деяниям Аль-Каиды.

А что можно сказать о гуманитарных последствиях операции «Несокрушимая свобода»? Были ли они, подобно другим опасностям, управляемыми? До некоторой степени были. Значительная гуманитарная помощь, оказанная в сотрудничестве с агентствами по оказанию помощи, могла бы облегчить немало человеческих страданий. Здесь следует отметить, что благодаря операции «Несокрушимая свобода» поступило больше гуманитарной помощи, чем это было возможно до тех пор, пока режим талибов был у власти. Но даже такой ускоренной помощи вряд ли будет достаточно. Долговременные программы помощи по восстановлению постталибского общества окажутся абсолютно необходимыми для того, чтобы возглавляемая США коалиция могла сохранить поддержку мусульманских стран в своей дальнейшей борьбе против глобального терроризма.

7. ЛЕГИТИМНАЯ ВЛАСТЬ

«По моему приказу Соединенные Штаты приступили к ударам по лагерям для подготовки террористов Аль-Каиды и военным объектам режима талибов в Афганистане». Этими словами Джордж Буш открыл свое обращение к нации 7 октября, чтобы объявить о начале военной кампании против терроризма. В том же обращении Буш также ясно дал понять, что США не одиноки в своей борьбе и эту борьбу поддерживает «коллективная воля мира». Ранее эта коллективная воля была более официально выражена в Резолюции Совета Безопасности 1368 (от 12 сентября), где терак-

ты 11 сентября осуждались и расценивались как угроза миру и безопасности во всем мире. В этой же резолюции Совет Безопасности призвал все государства «работать вместе, чтобы немедленно отдать под суд преступников, организаторов и спонсоров этих террористических нападений». Совет также призвал международное сообщество удвоить свои усилия по предотвращению и подавлению актов террора. В Резолюции 1373, сформулированной в соответствии с главой VII Устава ООН, Совет Безопасности далее уточнил те меры, которые страны — члены ООН были призваны предпринять для борьбы с глобальным терроризмом. В данной связи к государствам была обращена просьба воздерживаться от поддержки и финансирования тех, кто причастен к террористической деятельности, усилить и ускорить обмен информацией о действиях или движениях террористов — отдельных лиц или организаций. Однако Совет Безопасности *не* санкционировал использование всех необходимых средств (включая военную силу) для разрушения Афганистана как базы для террористических операций.

Здесь мы переходим к вопросу о центральной легитимной власти. Были ли США вместе с Великобританией уполномочены принимать самостоятельное решение о применении военной силы против Афганистана? Или им нужна была дальнейшая санкция Совета Безопасности? Устав ООН дает четкое разрешение отдельным государствам прибегать к военной силе для самозащиты или защиты других государств в случае вооруженного нападения. Это неотъемлемое право индивидуальной или коллективной самозащиты, как сказано в статье 51 Устава, подчинено двум условиям. Право самообороны может осуществляться только до тех пор, «пока Совет Безопасности не принял меры, необходимые для поддержания мира и безопасности во всем мире». Кроме того, страны — члены ООН должны немедленно сообщить Совету Безопасности о мерах, которые они приняли в осуществление права самозащиты.

Хотя было мало сомнений, что США стали объектом нападений извне, осуществление права на самозащиту США и Великобританией в ответ на эти теракты было не вполне корректным. Иницируя операцию «Несокрушимая свобода», США и Великобритания реагировали не на *совершающуюся* нападение, но на теракты, которые имели место почти месяц назад. Согласно философии

статьи 51, это отличие имеет решающий характер. Главное оправдание для существования статьи 51 заключается именно в том, что государства должны быть способны сопротивляться совершающейся агрессии, точно так же как отдельные лица должны иметь право сопротивляться совершающимся нападениям на себя или на других. Однако когда нападение закончено и чрезвычайная ситуация прекращает существовать, государство должно обращаться в Совет Безопасности. То же происходит, когда нападают на отдельных лиц. Они должны искать правосудие у надлежащих властей общества, в котором они живут. Действительно, предполагается, что даже страна — член ООН, защищающаяся от продолжающейся агрессии, должна сообщить о том, что она делает, в Совет Безопасности с тем, чтобы Совет мог вмешаться и как можно скорее стабилизировать ситуацию. Исключительное право отдельного государства самостоятельно использовать силу, таким образом, чрезвычайно ограничено.

Можем ли мы вывести из этого такое заключение: нельзя сказать, что США и их союзники действовали надлежащим образом, в соответствии с принципом легитимной власти? Если строго придерживаться ограничительной интерпретации статьи 51, такое заключение кажется неизбежным. Но те, кто выступает против данной интерпретации, могут найти некоторую опору в аргументе, что самозащита в контексте террористических актов — не то же самое, что самозащита в контексте межгосударственной войны, когда самозащита направлена на отражение вооруженного нападения со стороны другого государства. В первом случае самозащита должна иметь профилактический характер. Отражение терактов в момент, когда они происходят, хотя оно и не совсем невозможно, — очень трудное дело, поскольку террористы могут нанести удар в любое время и в любом месте. Таким образом, успешная защита от терроризма должна фокусироваться на предотвращении совершения таких актов вообще. Если допустить, что эта профилактическая интерпретация права на самозащиту убедительна и оправдана, операция «Несокрушимая свобода», кажется, хорошо подпадает под свою категорию, поскольку главная цель коалиции во главе с США состояла в прекращении использования Афганистана как базы для террористических операций. Согласно этой более широкой интерпретации статьи 51, можно заключить, что решение США и Великобритании предпринять свои атаки соответствуют принципу легитимной власти.

Как уже говорилось, статья 51 предусматривает, что право на самозащиту (и, следовательно, на удовлетворение принципа легитимной власти) может быть осуществлено только до тех пор, пока Совет Безопасности не примет меры, необходимые для поддержания мира и безопасности во всем мире. Учитывая специфический характер угрозы и довольно ограниченную дееспособность ООН, было бы нецелесообразно настаивать на этом условии. ООН может располагать инструментами стабилизации и даже находить решения многих межгосударственных и внутригосударственных конфликтов (поддержание мира, миротворчество, миростроительство и т.д.), но если говорить о боевых действиях против такого сложного явления, как международный терроризм, ясно, что ООН еще не находится на высоте своей задачи. Следовательно, было бы нежелательно ждать, пока ООН вмешается и возглавит военные операции. Кроме того, ООН возглавила дипломатические усилия по выработке прочного компромисса между основными афганскими фракциями, и это показывает, что налицо законное разделение функций и ответственности в такого рода конфликтах.

8. СОРАЗМЕРНОСТЬ (*IN BELLO*)

Оценивая, с одной стороны, стратегическую и тактическую ценность объектов, а с другой — разрушительную мощь используемых видов оружия, можно получить приблизительное представление о том, как проводилась операция, в частности — определить, перевесило ли значение разрушения большинства военных объектов вероятный ущерб.

В воздушной операции выделяются две фазы. С начала воздушной кампании до конца октября США и Великобритания совершали главным образом атаки с помощью высокотехнологического оружия точного наведения против чисто военных целей и гражданских объектов большой военной ценности. В первый день с подводных лодок, кораблей и самолетов были запущены крылатые ракеты. К ним присоединились бомбардировщики наземного базирования и штурмовые самолеты с авианосцев. Главными целями в эти первые дни были системы ПВО талибов и оборудование аэропортов в Кабуле и Кандагаре и вокруг них. В Кабуле также были поражены телебашня, королевский дворец, здания афганского радио и Министерства внутренних дел. Из-за авианалетов почти сразу же прекратилась подача электроэнергии. Другими важными

целями на этой первой фазе действий авиации были, разумеется, базы и тренировочные лагеря Бен Ладена.

Вторая фаза действий авиации началась 1 ноября, когда возглавляемая США коалиция решила поддержать Северный альянс в деле свержения режима талибов. Чтобы расчистить путь к наступлению Северного альянса на севере Афганистана, США начали ковровые бомбардировки позиций талибов. Во время этих тяжелых бомбардировок США использовали кассетные бомбы (СВU-87) и тяжелые (6700 кг) бомбы (BLU-82), так называемые резчики маргариток.

Уровень соразмерности нападений на такие высокоценные военные цели, как системы ПВО, базы Аль-Каиды и тренировочные лагеря, следует оценить как высокий. Устранение этих объектов в немалой степени способствовало достижению общей цели. Использование оружия точного наведения гарантировало, что будут поражены только те цели, на которые оно наводилось. Однако уровень соразмерности нападений на гражданские объекты, расположенные в Кабуле и других городах, вроде телевидения и радиостанций, был гораздо более проблематичен. Военная ценность этих объектов, по крайней мере по сравнению с высокоценными военными целями, указанными выше, была менее очевидной; более того, вероятность причинения непреднамеренных, но прогнозируемых страданий населению и ущерба в густонаселенных районах, например в городах, оценивалась как высокая.

Бомбардировкой передовых позиций талибов на севере Афганистана возглавляемая США коалиция хотела повысить шансы успешного прорыва Северного альянса. Однако из-за применения оружия типа кассетных бомб и огромных «резчиков маргариток» вероятный ущерб следует оценить как намного более высокий, чем в первой фазе воздушной кампании. В частности, кассетные бомбы почти наверняка становились причиной дополнительных страданий, которые будут сказываться еще долго после окончания войны. Кассетные бомбы рассеивают приблизительно 150 бомб малого калибра на большой территории. По данным ООН, от 5 до 12% малых бомб не разрываются и поэтому представляют постоянную опасность как для комбатантов, так и для некомбатантов. Согласно оценкам, в Косово, например, невзорвавшиеся бомбы малого калибра вызвали до 150 жертв¹. Использование

¹ Norton-Taylor R. US Deploys Controversial Weapon // Guardian. 2001. 12 Oct.

«резчиков маргариток» ВЛУ-82 также рискует причинить больше страданий. Когда они взрываются, жидкий раствор содержащегося в бомбе нитрата аммония и алюминиевой пыли уничтожает все в радиусе 800 м, часто оставляя тех, кто не убит, с разорванными легкими и лопнувшими барабанными перепонками¹.

Хотя соразмерность этого рода бомбардировки не была столь очевидна, как при точечной бомбардировке высокоценных объектов во время первой фазы, она тем не менее оказалась достаточной. Из-за стратегической и тактической важности прорыва на севере Афганистана для военной кампании в целом оборудованные позиции талибов были значительно ослаблены. Ослабление талибов не могло быть достигнуто точечными бомбардировками (как в городах). К тому же была надежда, что, если удастся разгромить позиции талибов, значительное число талибских бойцов сдастся или даже перейдет на сторону Северного альянса. С точки зрения принципа соразмерности это помогло бы позднее избежать сухопутных сражений, которые, возможно, обошлись бы слишком дорого.

Об уровне соразмерности сухопутных операций возглавляемой США коалиции можно сказать намного меньше, главным образом ввиду их тайного характера, а также потому, что основная тяжесть наземной военной кампании пришлось на долю Северного альянса. Спецназ был расквартирован вокруг Афганистана (Пакистан, Узбекистан и Таджикистан) с самого начала операции «Несокрушимая свобода». Кроме того, бойцы подразделения «Дельта» и члены британской службы SAS² проводили стратегическую разведку целей, связанных с сетью Аль-Каиды³. 20 октября американский спецназ провел рейды на цели в Кандагаре и вокруг него. Исходя из специфического характера миссий спецназа, можно констатировать, что такого рода операции имеют высокий потенциал соразмерности. Небольшие, но хорошо подготовленные группы могут ликвидировать высокоценные объекты, почти не неся потерь⁴.

¹ Ratnesar R. The Afghan Way of War // Time. 2001. 19 Nov. P. 33.

² * SAS — Special Air Service (англ.) — воздушные силы специального назначения.

³ Elliott M. Down and Dirty // Time. 2001. 22 Oct. P. 49.

⁴ Но даже когда к делу привлечен спецназ, нет реальной гарантии соразмерности. Во время интервенции США в Сомали в 1993 г., например, попытка захватить местного полевого командира потерпела неудачу и были убиты 18 американских солдат, включая 6 командос подразделения «Дельта».

9. РАЗЛИЧИЕ

После событий 11 сентября неоднократно утверждалось, что войну с терроризмом нельзя считать регулярной войной. Как выразился Джордж Буш, речь в этой войне идет о «борьбе цивилизаций» — борьбе за сохранение фундаментальных ценностей западного мира. Кроме того, война, которую предстояло вести, была направлена не просто против вражеского государства, но против международной террористической сети, поддержанной религиозно-фундаменталистским режимом. Характер совершенной несправедливости был столь вопиющим (умышленное убийство нескольких тысяч невинных людей), что это заставило некоторых людей призывать к безжалостным и беспощадным ответным мерам.

Отразился ли этот призыв к беспощадности на методах, которые использовали в операции «Несокрушимая свобода»? По словам Буша в его обращении к нации 7 октября, намерение США состояло не в том, чтобы ответить террористам тем же, нанеся по ним неразборчивые удары. Напротив, Джордж Буш ясно заявил, что будет осуществляться двойная стратегия: «По мере того как мы будем наносить удары по военным целям, мы будем также сбрасывать продовольствие, лекарства и припасы голодающим и страдающим мужчинам, женщинам и детям Афганистана». Но выражение намерения воевать избирательным способом, не является гарантией того, что операции фактически будут проводиться таким способом.

Прежде всего, не следует забывать, что в интересах США и Великобритании было провести военные операции по возможности избирательно, дабы сохранить антитеррористическую коалицию (см. главу IV «Вероятность успеха»). В первой фазе воздушной кампании цели и избранные виды вооружений согласовались с этой озабоченностью. Большинство объектов для бомбометания имело чисто военный характер (системы ПВО, базы и тренировочные лагеря Аль-Каиды, средства управления и контроля), кроме них удары были нанесены по ряду гражданских объектов ограниченной военной ценности (например, телебашня или здание афганского радио). При этом большая часть используемых видов оружия, например крылатые ракеты, имеет высокую различающую способность. Цели во второй фазе (с 1 ноября) носили определенно военный характер (фронтальные позиции талибов). Однако неко-

торые виды вооружения (например, кассетные бомбы) были недостаточно избирательны, так что использование, даже может быть оправданное с точки зрения принципа соразмерности, противоречит принципу различия.

Как и в любой войне, гражданское население сильно страдало. После нескольких недель операции представитель «Талибан» заявил, что уже 1500 некомбатантов были убиты в результате бомбардировок. Хотя проверить точное их число было невозможно, нельзя отрицать, что много афганских гражданских лиц были убиты или ранены случайно или в результате действий, которые носили прогнозируемый, но непреднамеренный характер. Например, 9 октября были разрушены помещения, где размещались представители ООН, занимавшиеся вопросами разминирования, при этом погибли четыре работника. 25 октября бомба попала в автобус в Кандагаре, тогда по крайней мере 10 человек были убиты. Непреднамеренные, но прогнозируемые жертвы среди гражданского населения, вероятно, также имели место, когда сбрасывались кассетные бомбы. Как указывалось при анализе соразмерности (*in bello*), неразорвавшиеся бомбы малого калибра, которыми начинена кассетная бомба, представляют опасность для мирного населения еще долгое время после окончания военных действий. Поэтому их использование может противоречить принципу соразмерности, который предписывает минимизировать число жертв среди гражданского населения.

Положение еще более усложнилось, когда талибские лидеры приказали своим войскам и технике смешаться с гражданским населением в городских районах, вынуждая США оперировать в условиях высокого риска. Вследствие этого бомбы случайно попадали в районы сосредоточения гражданских лиц, например 20 октября в жилой квартал к северо-западу от Кабула, 21 октября — в дом для престарелых под Гератом¹. Для того чтобы избежать непреднамеренных жертв в максимально возможной степени и, конечно, при этом повысить эффективность ударов, США развернули так называемые передовые воздушные диспетчеры (Forward Air Controllers, FAC) для координации наведения бомб на цель. Эти диспетчеры «окрасили» цели лазерными лучами, по которым могли наводиться «умные» бомбы.

¹ Burger K. Taliban «Asymmetric» Tactics Hamper US Strikes // Jane's Defence Weekly. 2001. 31 Oct. P. 3.

Хотя США старались не наносить ударов по невоенным объектам и максимально ограничить побочный ущерб, их отношение к талибам и особенно к боевикам Аль-Каиды было не столь снисходительным. Членов Аль-Каиды называли террористами и убийцами, т.е. США не хотели считать их регулярной армией. По словам Ральфа Петерса, бывшего офицера американской армейской разведки, тем, кто поставил себя вне законов войны, нужно было ответить с той же беспощадностью: «Нет хороших террористов, но мертвый террорист — лучше всего»¹. Кроме того, были введены такие правила ведения боя спецназом, которые были равносильны «неограниченной охотничьей лицензии» при проведении им операций против талибов и Аль-Каиды².

Наконец, поддержка Северного альянса со стороны США поставила вопрос о том, в какой степени можно считать, что США и Великобритания несут свою долю ответственности за военные преступления, совершенные Северным альянсом. Этот вопрос особенно важен применительно к событию, которое произошло в ноябре, когда многие заключенные-талибы были убиты в ходе тюремного восстания в Мазари-Шарифе. Альянс, который потерял десятки бойцов во время боев, подавил восстание с помощью американских бомбардировщиков и спецназа США и Великобритании. Мэри Робинсон, Уполномоченный ООН по правам человека, и «Международная амнистия» призвали к проведению расследования условий, при которых эти заключенные были убиты. По словам «Международной амнистии», цель расследования — выяснить причину инцидента и соразмерность реакции Северного альянса и сил США и Великобритании³.

Одним из последствий проведения военной операции стала проблема захваченных террористов — следует ли их считать военнопленными. Эта проблема стала предметом жарких дискуссий, когда США приняли решение о переправке пойманных членов Аль-Каиды и талибов на американскую военно-морскую базу «Гу-

¹ *Naylor S.* U.S. Must Adopt Ruthless Attitude, Experts Advise // *Defense News*. 24 Sept. 2001. P. 8. В духе такого рода размышлений администрация Буша рассматривала идею об отмене запрета на убийство врагов США (См.: *Elliott M.* We Will Not Fail // *Time*. 2000. 1 Oct. P. 31.).

² *Evans M.* Delta Force «Has Killed Hundreds» // *The Times*. 2001. 24 Nov.

³ *Financial Times*. 2001. 5 Dec.; *BBC News*. Wednesday. 2001. 28 Nov. (<http://news.bbc.co.uk/1/hi/english/world/south-asia/newsid-1680000/1680072.htm>).

антанамо» на Кубе. В ответ на критику, с которой выступили в основном европейцы, по поводу обращения с пленными (некоторым казалось, что обращение было оскорбительным и унижительным) американское руководство заявило, что пойманные боевики были преступниками и не могут рассматриваться в качестве военнопленных. Американские власти отказались следовать процедурам, установленным Женевскими конвенциями, и признать, что вопрос о том, являются ли задержанные боевики военнопленными или нет, должен решать юридически уполномоченный «компетентный суд» в соответствии с нормами международного права. Пентагон больше всего заботило, что такая процедура может серьезно осложнить борьбу против терроризма. Предоставление статуса военнопленных могло в первую очередь привести к признанию того, что у подозреваемых террористов есть на суде свои права¹. Военнопленным предоставляется дополнительная защита (в частности, она выражается в условиях содержания под стражей). Военнопленные не могут подвергаться допросам, за исключением случаев, когда они подозреваются в совершении преступлений. Некоторые террористические акты, совершенные в прошлом Аль-Кайдой против военных объектов, могли быть представлены адвокатами как военные операции, а не преступления. Более того, согласно Женевским конвенциям, военнопленные (в той мере, в какой они не обвиняются в совершении военных преступлений) не являются *персонально* виновными. Военнопленные имеют право на репатриацию по окончании военных действий. По всем этим причинам американские власти опасались, что террористы Аль-Кайды смогут избежать наказания, которого они заслуживали.

Такая позиция стала предметом серьезной критики со стороны международных правозащитных организаций и правительств некоторых стран. Верховный уполномоченный ООН по правам человека Мэри Робинсон заявила, что, по мнению большинства юристов, согласно Женевской Конвенции захваченные были военнопленными². Это мнение было также публично подтверждено Международным комитетом Красного Креста. В результате американское руководство дало разрешение представителям Красного Креста посетить всех пленных, заключенных на американ-

¹ См.: Financial Times. 2002. 8 Jan.

² Financial Times. 2002. 17 Jan.

ской базе на Кубе. В ответ на международную критику условий содержания заключенных на базе оно приостановило переброску пленных из Афганистана с тем, чтобы построить дополнительные камеры¹.

Есть и другая проблема, связанная с борьбой против терроризма. Для того чтобы создать широкую антитеррористическую коалицию, США активизировали свои связи с диктаторскими режимами. Это было неправильно воспринято как предоставление свободы действий всем видам репрессивной политики, направленной против сил оппозиции, которые — часто произвольно — именовались «террористами».

Такая репрессивная политика часто сопровождается применением пыток против тех, кто, как считается, обладает ценной информацией того или иного рода. С этим связана еще одна моральная проблема. Пытки явно противоречат международному гуманитарному праву. Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. гласит, что не разрешаются никакие пытки, даже в обстановке, когда «бомба вот-вот взорвется»². В статье 17 части I (Начало плена) раздела III (Плен) говорится: «Никакие физические или моральные пытки и никакие другие меры принуждения не могут применяться к военнопленным для получения от них каких-либо сведений. Военнопленным, которые откажутся отвечать, нельзя угрожать, подвергать их оскорблениям или каким-либо преследованиям или ограничениям»³. Такой же запрет на пытки или жестокое и бесчеловечное обращение установлен в статье 5 Декларации прав человека (1948), статье 7 части III Международной конвенции гражданских и политических прав (1966) и в Протоколах к Женевским конвенциям (1977). Параграф 2 статьи 2 Конвенции ООН 1984 г. «Против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания» ясно указывает: «Никакие исключительные обстоятельства, какими бы они ни были, будь то состояние войны или угроза войны, внутривнутриполитическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, не могут служить

¹ Financial Times. 2002. 9/10 Feb.

² *Fotion N.* Responses to Terrorism. Paper read at Carnegie Council on Ethics and International Affairs. Washington D.C. 1997. 29 Jan. P. 26.

³ Права человека: Сборник международных документов. М.: Юридическая литература, 1998. С. 418.

оправданием пыток»¹. Даже если мы знаем почти наверняка о надвигающейся крупной катастрофе, должно быть ясно, что недопустима пытка захваченного террориста (который, как мы можем разумно предположить, обладает жизненно важной информацией о теракте). Как приказ о проведении пытки, так и его выполнение категорически запрещены. Пытки считаются военным преступлением, которое может преследоваться по суду даже спустя много времени после окончания войны. Параграф 3 статьи 2 указанной Конвенции ООН гласит: «Приказ вышестоящего начальника или государственной власти не может служить оправданием пыток»². Эти четкие международные юридические нормы предписывают, чтобы антитеррористическая коалиция принимала решительные меры против всех стран, которые пользуются такими средствами в своей антитеррористической политике.

10. ВЫВОДЫ

Исходя из имеющейся на данный момент информации, можно констатировать, что операция «Несокрушимая свобода» была и все еще является оправданной с точки зрения справедливой войны. Борьба с терроризмом с целью наказать тех, кто несет прямую и косвенную ответственность за теракты 11 сентября, и предотвратить дальнейшие теракты бесспорно представляет собой правое дело. Несмотря на то что ко времени начала операции «Несокрушимая свобода» не было никаких твердых свидетельств прямой причастности Бен Ладена, имелись достаточные указания на то, что Аль-Каида была причастна к организации и осуществлению терактов. Можно даже убедительно доказать, что один только террористический послужной список Аль-Каиды позволил назвать атаку на эту организацию и ее спонсоров оправданной с точки зрения правого дела. Кроме того, не имелось реальных признаков того, что США и их союзники действовали исходя из других мотивов, чем желание разгромить Аль-Каиду и талибов. При этом, как оказалось, для того чтобы сплотить антитеррористическую коалицию, было необходимо иметь правильные намерения.

¹ Права человека: Сборник международных документов. С. 94.

² Там же.

То, что США действовали в интересах самозащиты (хотя и не защищались от *совершающегося* нападения), имеет значение для двух принципов *ad bellum*. С точки зрения принципа крайнего средства нельзя было ожидать, что США исчерпают все невоенные варианты перед нанесением удара. Помимо этого, из-за характера врага было маловероятно, что невоенные варианты, вроде экономических санкций, будут иметь хоть какой-то эффект. Исходя из несколько более широкой интерпретации статьи 51 Устава ООН, можно было бы также сказать, что США в самом деле действовали в соответствии с принципом легитимной власти.

Вероятность того, что возглавляемой США коалиции в конечном счете удастся свергнуть режим талибов, как оказалось, была реалистичной. Уничтожение организации Аль-Каида в рамках одной-единственной операции казалось менее вероятным. Главным предметом озабоченности с точки зрения принципа соразмерности была ухудшающаяся гуманитарная ситуация. Можно было обоснованно предположить, что, если бы не были приняты никакие другие гуманитарные меры (помимо сбрасывания продуктовых наборов с воздуха), баланс соразмерности мог бы склониться в отрицательную сторону.

В целом оба принципа *in bello* неплохо соблюдались в ходе операции «Несокрушимая свобода». Это произошло главным образом благодаря выбору высокоценных военных объектов и использованию высокотехнологического оружия точного наведения на первой фазе воздушной операции. Ковровая бомбардировка позиций талибов была намного более проблематичной, особенно при использовании неизбирательных видов оружия типа кассетных бомб. Оценить наземные операции спецназа США не легко, главным образом из-за их секретного характера. Однако их специализация и то, что они имеют тенденцию работать малыми группами против четко определенных целей, позволяют нам оценивать потенциал уважения ими принципов *in bello* как весьма значительный.